

Омертвевшую плоть вырезали вместе с ввевшейся тканью, и из свежей раны хлынула алая кровь. Мужчина крепко зажмурился, его брови болезненно сдвинулись, тело время от времени непроизвольно вздрагивало, а из груди вырывался глухой стон. Ань Чанцин наблюдал за этим с замиранием сердца. Не в силах больше смотреть, он отвернулся и, наклонившись, прижался своим лбом к его лбу, пытаясь хоть как-то утешить.

Лекарь Ху действовал жестко и быстро. Вскоре он очистил рану, вытер кровь, посыпал лекарственным порошком и туго перевязал ее бинтами. Лишь после этого дело было сделано. К этому моменту и у Ань Чанцина, и у Сяо Чжигэ лбы покрылись потом. Ань Чанцин перевел дыхание и охрипшим голосом произнес:

— Благодарю вас, лекарь Ху.

Лекарь Ху взмахнул рукой:

— Ванфэй не стоит быть столь вежливым. В дальнейшем ране нужен покой, останется лишь ждать, пока нарастет новая плоть. Я буду приходить каждый день менять повязки князю. А сегодня пусть он как следует отдохнет.

Проводив лекаря Ху, Ань Чанцин взял платок и бережно вытер пот со лба мужчины.

Похоже, боль утихла: брови Сяо Чжигэ разгладились, и он выглядел куда более умиротворенным. Как раз пришло время отдыха, поэтому Ань Чанцин просто сбросил верхнее платье, забрался на кровать ближе к стене и, надувшись, слегка сжал нос мужчины пальцами:

— На этот раз я тебя прощаю, но потом мы еще посчитаемся.

Мужчина даже не шелохнулся, погруженный в глубокий сон.

Ань Чанцин фыркнул, осторожно укрыл его одеялом и, немного посомневавшись, всё же зарылся к нему в объятия. Обхватив его невредимую руку, он со спокойной душой уснул.

На следующий день Ань Чанцин проснулся от яркого солнечного света.

Спросонья потерявшись о теплую грудь, он открыл глаза и встретился с глубоким, пристальным взглядом мужчины.

Сяо Чжигэ лежал, повернув голову, и приполупушенных веках смотрел на него — неизвестно, как долго.

Ань Чанцин отпустил его руку, потер глаза и сел:

— Который час?

— Почти полдень, — отозвался Сяо Чжигэ.

Ань Чанцин растерялся:

— Так поздно?

Тут же нахмурившись, он досадливо пробормотал:

— Почему князь меня не разбудил? Время обеда уже прошло!

Щеки мужчины еще сильнее осунулись — очевидно, всё то время, что он отсутствовал в Яньчжоу, ему приходилось ночевать под открытым небом и терпеть немало лишений.

— Я не голоден, — уголки губ Сяо Чжигэ слегка приподнялись. — Мне просто хотелось посмотреть на тебя.

Когда на хребте Эгуй он попал в зыбучие пески, оставшись без еды и без надежды найти выход, он беспрестанно думал об Ань Чанцине. Думал о том, чем тот сейчас занимается в Яньчжоу; узнал ли уже о его отсутствии; рассердится ли, если он не вернется.

Ведь он обещал: обязательно вернется.

Поэтому, как бы тяжело ни было, он вернулся. Если бы он не вернулся, некому было бы утешать его Но-но, когда тот злится.

Щеки Ань Чанцина слегка вспыхнули. Смерив его взглядом, он босиком выбежал из комнаты:

— Пойду велю подавать обед.

Сяо Чжигэ смотрел на его радостно удалявшуюся спину, не в силах оторвать взор ни на миг.

Ань Чанцин велел принести еду. Опасность для желудка Сяо Чжигэ заставила его выбрать легкую рисовую кашу и простые, легко усваиваемые овощи. Столик для трапезы поставили прямо у кровати. Сяо Чжигэ сел, накинул верхнюю одежду и разделял с ним обед.

Когда они закончили, дежуривший снаружи воин унес столик. Ань Чанцин принес гребень и принялся расчесывать его спутанные волосы.

Сяо Чжигэ, сидя к нему спиной, глухо спросил:

— Все то время, пока меня не было в Яньчжоу... Но-но хорошо жил?

Движение Ань Чанцина на миг пресеклось, но он тут же продолжил расчесывать волосы и беспечно отозвался:

— Пока князя не было, я и спал сладко, и ел вкусно. Что со мной могло быть не так?

Слова звучали так, будто всё было в порядке, но в голосе пробивалась затаенная обида.

Сяо Чжигэ вновь вспомнил вчерашний вечер, когда увидел его в запятнанных кровью доспехах — он спускался прямо с городской стены. В тот момент шло жестокое сражение, на стене было смертельно опасно, ему вовсе не следовало там находиться.

— Зачем ты вчера поднимался на городскую стену? — строгим тоном спросил Сяо Чжигэ.

— Я бил в барабаны на стене, чтобы поднять боевой дух, — Ань Чанцин остановился и не стал ничего скрывать. — Бэйдийцы твердили, что ты погиб. Я не верил. И не мог позволить, чтобы воины и жители Яньчжоу в это поверили.

Бровь Сяо Чжигэ нервно дернулась, он произнес сурово и серьезно:

— Безрассудство! А если бы случилась беда...

— Ты отправился втайне напасть на царский двор Бэйдя, а я вместе с воинами Яньчжоу

защищал город и ждал твоего возвращения, — перебил его Ань Чанцин. — Ты вернулся, и со мной, разумеется, всё в порядке.

Сяо Чжигэ поперхнулся словами и, повернувшись, пристально поглядел на него.

Ань Чанцин слегка приподнял голову, ничуть не уступая ему во взгляде, в глубине которого таились невысказанный гнев и обида.

Слова упрека, готовшиеся сорваться с губ Сяо Чжигэ, так и остались произнесенными. Он тяжело вздохнул, одной рукой привлек его к себе на грудь и тихо извинился:

— Прости меня. Я не должен был скрывать это от тебя.

У Ань Чанцина защипало в носу, и он, не сдержавшись, смущенно уткнулся лицом в его грудь. Его голос задрожал от слез:

— Ты даже не представляешь, как мне было страшно!

Ничего не зная, он мог лишь слепо верить в данное им обещание, верить, что тот ни за что не нарушит своего слова. В глухой тишине ночи это мучительное неизвестностью ожидание казалось пыточным костром, на котором его жгли снова и снова.

Каждый раз, когда силы были на исходе, он, точно так же как говорил воинам и горожанам, вновь и вновь внушал самому себе: он уже в пути, он возвращается.

Он обязательно вернется.

— Прости... — Сяо Чжигэ нежно поцеловал его в макушку и щеку, с болью в сердце сжав его хрупкие плечи, и твердо произнес: — Я обещаю, этого больше никогда не повторится.

Ань Чанцин шмыгнул носом, поднял лицо из его объятий и, сверкая покрасневшими глазами и красным носом, свирепо уставился на него:

— Если такое повторится, будешь жить один!

От автора:

Трусишка: ...Не хочу быть один, хочу быть с Но-но.

Но-но: Хм.

А вот и прода! Сегодня Трусишка утешает женушку, правда, навык утешения у него пока так себе.

Ань Чанцин скрежетал зубами, произнося свои грозные угрозы, но с покрасневшим носом и глазами он выглядел совсем не страшно, а скорее напоминал загнанного в угол зверька. Сяо Чжигэ вдруг вспомнил серебристую лисицу, которую встретил когда-то на охоте: миниатюрный, покрытый пушистой шерстью зверек, загнанный в тупик, точно так же взъерошивал шерсть и оскаливался.

Раньше он никогда не думал, что хитрые лисы могут быть настолько милыми.

На губах тронула едва заметная улыбка. Сяо Чжигэ прикоснулся к его спине, легкими поглаживаниями успокаивая его, словно ласково разглаживал взъерошенную шерстку зверька:

— Угу, больше этого точно не повторится.

Под его ласковыми прикосновениями напряженное тело Ань Чанцина постепенно расслабилось, он уткнулся лбом в его плечо и глухо произнес:

— Я знаю, что военную тайну нельзя раскрывать даже близким. Но ты не должен был обманывать меня, говоря, что это обычное сражение.

Он был всем сердцем уверен, что битвы скоро завершатся, а дождался лишь вестей о его «гибели». Он бы предпочел, чтобы Сяо Чжигэ с самого начала рассказал ему о грозящей опасности — тогда, узнав о «гибели», он не был бы столь растерян и беспомощен.

Словно все всё знали, и лишь он один узнал последним.

— Больше не буду тебя обманывать. Впредь обо всем, о чем ты захочешь узнать, я буду тебе рассказывать.

По правде говоря, Сяо Чжигэ и сам испытывал запоздалый страх. Сначала он скрыл всё, чтобы тот не тревожился, надеясь на быструю победу. Но кто мог знать, что случится непредвиденное и он на полмесяца застрянет на хребте Эгуй? И уж тем более он не предполагал, что Ань Чанцин ради него отправится на передовую, готовый разделить жизнь и смерть с воинами Яньчжоу.

Ему даже страшно было подумать, к каким последствиям могло привести задержись он на пару дней дольше — если бы пал Яньчжоу.

Тот, кого он держал в объятиях, казался мягким и хрупким, но, оказывается, обладал острыми коготками.

Ань Чанцин фыркнул, отстранился, сел и снова взял гребень, собираясь доделать прическу.

Тонкие длинные пальцы мелькнули перед глазами Сяо Чжигэ. Его взгляд мгновенно застыл. Схватив Ань Чанцина за запястье и разглядев раны на его руке, он помрачнел, а мягкое выражение лица тут же сменилось холодом:

— Что это такое?

На нежной ладони красовались с полдюжины волдырей разного размера. Крупные уже лопнули, обнажив свежую алое мясо под сморщенной кожей. Мелкие всё еще наливались жидкостью, а на пальцах и между большим и указательным пальцами кожа стерлась до грубых ссадин.

— Ничего особенного, просто натер. Через пару дней пройдет, — Ань Чанцин изо всех сил выдернул руку и спрятал ее за спину.

Бить в барабаны на стене звучит просто, но на деле это тяжелый физический труд. Хотя в детстве в семье Ань ему жилось несладко, никакой тяжелой работой он не занимался, да и от природы обладал нежной кожей. Постучав в барабаны всего несколько дней, он стер ладони в кровь.

Сперва было больно, но со временем, когда новые раны накладывались на старые, а все мысли были заняты ходом битвы, он привык и вовсе забыл об этих мелких царапинах.

Он и представить не мог, что по неосторожности выдаст себя перед Сяо Чжигэ.

<http://bllate.org/book/18381/1767760>